

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич, директор Института Дальнего Востока Российской академии наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Российского совета по международным делам, доктор исторических наук

117993, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 32

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

ТРОЩИНСКИЙ Павел Владимирович, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук, кандидат юридических наук

117993, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., 32

E-mail: troshc@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов нормативно-правового регулирования некоторых направлений обеспечения национальной безопасности Китайского государства в период нахождения у власти Си Цзиньпина. Отмечаются виды и характер угроз стабильности государства, с которыми сталкивается Китай в последние годы. В первую очередь к ним относятся терроризм, экстремизм, активизация деятельности западных специальных служб, стремящихся подорвать авторитет власти внутри Китая и ослабить его позиции на международной арене.

Важным направлением в сфере обеспечения национальной безопасности является противодействие противоправной деятельности в сети «Интернет» китайского сегмента. Власти страны предпринимают ряд политических и правовых мер для ограничения противоправного контента, запрета работы на территории КНР крупнейших западных интернет-ресурсов, компаний и производителей программного обеспечения. Тем самым достигается относительная безопасность предлагаемого для китайской аудитории контента.

Китайские власти также предпринимают ряд жестких шагов по регулированию религиозной сферы, которая нередко используется зарубежными силами для противодействия существующему режиму. Правящая партия проводит политику «китаизации религии», которая подразумевает обязательное соответствие вероучительной догматики социалистической идеологии с китайской спецификой. Противящиеся «китаизации» религиозные организации запрещаются, а их члены подвергаются преследованиям.

Анализ особенностей нормативно-правового регулирования обеспечения национальной безопасности Китая позволяет констатировать, что государство столкнулось с рядом серьезных вызовов и угроз, противодействие которым требует от властей принятия решительных и жестких мер. Вместе с тем существует опасность, что чрезмерное «закручивание гаек» может привести к установлению в КНР режима авторитаризма.

Ключевые слова: Китай, законодательство, борьба с преступностью, национальная безопасность, терроризм, шпионаж, борьба с коррупцией, интернет-безопасность, Коммунистическая партия Китая, религия.

ENSURING CHINA'S NATIONAL SECURITY AT THE PRESENT STAGE (NORMATIVE AND LEGAL ASPECT)

S. G. LUZYANIN, director of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, professor at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, professor at the National Research University "Higher School of Economics", doctor of historical sciences

32, Nakhimovsky ave., Moscow, Russia, 117993

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

P. V. TROSHCHINSKY, leading research fellow of the Institute of Far Eastern Studies Russian Academy of Sciences, candidate of legal sciences

32, Nakhimovsky ave., Moscow, Russia, 117993

E-mail: troshc@mail.ru

Article is devoted to a research of questions of standard and legal regulation of some directions of ensuring national security of the Chinese state during being in power of Xi Jinping. Types and the nature of threats of stability of the state which China faces in recent years are noted. First these threats are terrorism, extremism, activity of the western special services seeking to undermine authority of the government in China and to weaken his positions on the international scene.

The important direction in the sphere of support of national security is counteraction to illegal activities in the Internet of the Chinese segment. The authorities of the country undertake a number of political and legal measures for restriction of illegal content, the prohibition of operation on the territory of the People's Republic of China of the largest western Internet resources, the companies and software makers. Thereby the relative safety of content offered for the Chinese audience is reached.

The Chinese authorities also take a number of rigid steps for regulation of the religious sphere which, not seldom, is used by foreign forces for counteraction to the existing mode. The ruling party pursues policy of "sinification of religion" which means obligatory compliance of doctrinal dogmatics of socialist ideology with the Chinese specifics. The religious organizations opposing to "sinification" are forbidden, and their members are prosecuted.

The analysis of features of standard and legal regulation of ensuring national security of China allows to note that the state faced a number of serious calls and threats, counteraction to which demands from the authorities of acceptance of drastic and drastic measures. At the same time there is a danger that excessive "crackdown" can lead to establishment in the People's Republic of China of the mode of authoritarianism.

Keywords: China, legislation, combating crime, national security, espionage, fighting corruption, Internet Security, CPC, religion.

DOI: 10.12737/art.2018.1.8

С 18 по 24 октября 2017 г. в Пекине прошел XIX съезд Коммунистической партии Китая (КПК), на котором были обсуждены актуальные вопросы политического, социально-экономического и государственно-правового развития страны. Рассматривались результаты работы правящей партии за последние пять лет, анализу подверглись внутренняя обстановка в государстве и стратегия внешнеполитической деятельности китайской дипломатии. Содержание чрезвычайно объемного доклада генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина «Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» (决胜全面建成小康社会, 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利)¹, кроме прочего, включало и тезисы о необходимости укрепления законности, совершенствования механизма правового регулирования, неуклонного движения по правовому пути социализма с китайской спецификой, противодействия новым и традиционным вызовам и угрозам китайской государственности.

Задача построения «общества малого благосостояния» (小康社会) не может быть осуществлена без активизации правотворческой деятельности, направленной на решение стоящих перед государством задач по обеспечению его стабильного и поступательного развития. Вместе с тем по мере углубления реформ китайское государство столкнулось с рядом явлений, серьезно угрожающих его национальной безопасности. В первую очередь это касается застарелых проблем в сфере борьбы с коррупцией, углубления имущественного неравенства и демографического кризиса, продолжающегося ухудшения экологической обстановки, роста преступлений в пищевой и лекарственной сферах. Наряду с этим усиливаются

противоправная деятельность финансируемых из-за рубежа национальных религиозно-сектантских и экстремистских групп, подрывная деятельность западных спецслужб, препятствующих усилению позиций КПК внутри страны и самого Китая на международной арене.

За прошедшие пять лет нахождения у власти Си Цзиньпина правовое развитие страны шло по особому сценарию, вызывающему ряд вопросов у зарубежных экспертов. Законодатель планомерно принимал нормативные правовые акты в сфере обеспечения национальной безопасности, тогда как многие другие важные направления правотворческой работы оставались на втором плане.

Отметим, что в КНР до настоящего времени не приняты некоторые материальные кодификационные акты правотворчества: Гражданский кодекс и Административный кодекс. При чрезвычайной развитости различных налоговых режимов и институтов не принят и Налоговый кодекс. В Китае нет Жилищного, Семейного, Воздушного кодексов. Несмотря на это, власти страны активизировали процесс разработки и принятия законов в сфере регулирования деятельности разведки, зарубежных неправительственных организаций, борьбы со шпионажем, борьбы с терроризмом, обеспечением безопасности сети «Интернет» и т. п.

На таком фоне первоочередное принятие законов в сфере защиты безопасности государства наводит на определенные размышления: не приведет ли появление новых законов к усилению авторитаризма в стране, эскалации напряженности в обществе, подавлению инакомыслия, повторения сценария различных разрушительных политических кампаний, апогеем которых была культурная революция (1966—1976 гг.). Либо, может, новые угрозы и вызовы китайской государственности настолько серьезны, что лишь первоочередное усиление законодательного регулиро-

¹ Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета). 2017. 19 окт. (на кит. яз.). С. 2.

вания деятельности, связанной с противодействием им, способно защитить Китай от подрыва его устоев. Ответ на эти вопросы даст лишь время.

Анализ правотворческой деятельности последних лет позволяет сделать вывод о характере и уровне угроз, с которыми столкнулся Китай при Си Цзиньпине. Они настолько серьезные, что переместили акцент правового строительства с социально-экономической сферы на сферу обеспечения национальной безопасности. Российским исследователям необходимо обратить на это особое внимание, ведь через принимаемые в КНР в последние годы законы и подзаконные акты можно отследить не только особенности правового развития страны, но и понять происходящие внутри нее политические процессы.

Исследование правотворческой работы китайского законодателя последних лет позволяет выделить несколько главных направлений в сфере материального права, в рамках которых развитие получает правовая система КНР. Значительное количество новых законов было принято китайским парламентом (Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей — ПК ВСНП — постоянно и реально действующий орган при однопалатном ВСНП, собирающийся на заседания раз в два месяца) в сфере обеспечения национальной безопасности. Это прежде всего:

Закон КНР о борьбе со шпионажем (中华人民共和国反间谍法) (1 ноября 2014 г.) (своим вступлением в силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР о государственной безопасности);

Закон КНР о государственной безопасности (中华人民共和国国家安全法) (1 июля 2015 г.);

Закон КНР о противодействии терроризму (中华人民共和国反恐怖主义法) (27 декабря 2015 г.) (своим вступлением в силу отменил ранее действующее Постановление ПК ВСНП о соответствующих вопросах усиления работы по борьбе с терроризмом 2011 г.);

Закон КНР об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны (中华人民共和国境外非政府组织境内活动管理法) (28 апреля 2016 г.);

Закон КНР о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны (中华人民共和国国防交通法) (3 сентября 2016 г.);

Закон КНР о безопасности сети «Интернет» (中华人民共和国网络安全法) (7 ноября 2016 г.);

Закон КНР о разведке (中华人民共和国情报法) (27 июня 2017 г.);

Закон КНР о ядерной безопасности (中华人民共和国核安全法) (1 сентября 2017 г.).

Появление приведенных выше законов усиливает правомочия правоохранительных органов в сфере противодействия новым вызовам и угрозам, к первоочередным из которых относятся подрывная, противоправная деятельность специальных служб иностранных государств и террористических организаций.

Кроме законов, на подзаконном и местном уровнях принимаются различные нормативные документы, направленные на практическую реализацию закрепленных в законах положений. Так, особый интерес вызывают «Методы поощрения граждан, сообщивших о фактах шпионажа» (公民举报间谍行为线索奖励办法) (приняты Управлением государственной безопасности г. Пекин 10 апреля 2017 г.)². «Методами» предусмотрено поощрение граждан, заявивших о фактах шпионской деятельности, в размере:

при «особо важном значении» информации — от 100 до 500 тыс. юаней;

при «важном значении» информации — от 50 до 100 тыс. юаней;

при «большом значении» информации — от 10 до 50 тыс. юаней.

Отрадно, что в документе предусмотрена уголовная ответственность за умышленное предоставление ложных сведений, ложных обвинений в отношении какого-либо лица (ст. 8). Китайской истории известны периоды, когда в годы «культурной революции» миллионы граждан были репрессированы по надуманным обвинениям в сотрудничестве с иностранными спецслужбами. Если жизни и здоровью сообщившим о фактах шпионажа гражданам и членам их семей вследствие этого угрожает опасность, то органы государственной безопасности принимают меры по их защите (ст. 9).

В последнее время широкое распространение в обществе получают пропагандистские лозунги типа «Сделаем Китай вечным мучением крупнейших спецслужб» и др. Все это наводит зарубежных исследователей на размышления: действительно ли такого рода меры вызваны усилившейся работой западных разведок на территории КНР либо запущен процесс «закручивания гаек» внутри страны.

Китайские власти стараются осуществлять жесткий контроль за интернет-контентом. И это не случайно: по данным на июнь 2017 г., в КНР насчитывается уже более 751 млн пользователей Интернета, при этом с помощью мобильных устройств в Интернет выходят 724 млн человек³. Не случайно, что покупка сим-карты сотового оператора уже много лет возможна в Китае только при предъявлении удостоверения личности. Действуют и ограничения на покупку количества карт — не более трех на одного гражданина. Российские ученые констатируют: «С одной стороны, такое количество пользователей Сети в КНР дает государству большие экономические преимущества, а с другой стороны, создает реальные угрозы для его экономической и политической безопасности, так как Китай лидирует в мире по числу

² См.: Бэйцзин жибао (Ежедневная газета «Пекин»). 2017. 10 апр. (на кит. яз.). С. 13.

³ URL: http://www.cac.gov.cn/2017-08/04/c_1121427672.htm (на кит. яз.).

потенциальных киберпреступников и жертв их преступлений»⁴.

В КНР заблокирован доступ к таким зарубежным популярным интернет-ресурсам, как YouTube, Facebook, Twitter, Flickr и др. Распространяемая ими информация прямо либо косвенно противоречит действующей в Китае идеологии, морально-нравственным устоям общества, принятому законодательству. Запрет наложен на «независимую» информацию, связанную с разрушительной тоталитарной сектой «Фалуньгун», сепаратистскими движениями в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, протестами в Тибете и Гонконге, самостоятельностью Тайваня (Китайская Республика на Тайване), событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 г. и др. Блокированные западные интернет-ресурсы содержат массу материалов, которые не подлежат распространению в китайском сегменте Интернета. В период проходившего XIX съезда КПК в Пекине заблокировали работу WhatsApp, да и в настоящее время данный мессенджер в Китае функционирует нестабильно.

Запрету на осуществление деятельности на территории КНР подверглась и глобальная поисковая система Google. Конфликт между властями Китая и руководством компании возник задолго до принятия окончательного решения весной 2010 г. о закрытии этого поисковика в Китае. Китайское руководство обвинило Google в распространении информации, подрывающей авторитет китайской власти, искажающей историю коммунистического Китая, разжигающей национальную вражду и поддерживающей сепаратизм, распространяющей порнографию, нарушающей права китайских авторов на произведения, и иной запрещенной законом информации. Официальным основанием к закрытию Google явились доказанные обвинения в распространении порнографии в китайском сегменте Интернета.

В соответствии с принятым Законом КНР о безопасности сети «Интернет» провайдеры контента не только должны соблюдать действующее законодательство, «уважать общественную мораль, соблюдать деловую этику», но и «подвергаться контролю со стороны правительства и общества, нести социальную ответственность» (ст. 9). В их обязанность также вменяется «предоставление технической поддержки и содействие органам общественной и государственной безопасности при осуществлении ими деятельности по обеспечению государственной безопасности и расследованию преступлений» (ст. 28). При отказе в предоставлении «технической поддержки и содействия» организация и ее «непосредственно ответственные за управление и иные непо-

средственно ответственные лица» подлежат привлечению к ответственности (п. 3 ст. 69). При таких требованиях Закона никакие западные ресурсы типа Google или YouTube не захотят работать в китайском сегменте Интернета.

Провайдеры также обязаны требовать от пользователей регистрироваться под своими реальными именами (процедура обязательной верификации пользователя, исключающая его анонимность (ст. 24)) и «фильтровать» проходящий через них контент. В противном случае компания может быть закрыта (лишена лицензии), а ее сотрудники привлечены к юридической ответственности (включая уголовную) (ст. 74). Кроме того, Закон содержит требование о хранении собранной внутри страны информации (локализации данных) в КНР, а не за ее пределами (ст. 37) (т. е. сведения о китайских гражданах должны храниться на внутренних серверах интернет-компаний). Любое зарубежное IT-оборудование должно соответствовать китайским стандартам безопасности (пройти тестирование и сертификацию) (ст. 23). В связи с этим встает вопрос об обязанности предоставления полной и достоверной информации китайским властям такими крупными компаниями, как, например, Microsoft или Apple. Таким образом, продукция иностранных компаний, которые отказываются делиться своей информацией, «мягко» вытесняется с китайского рынка. Ей на смену приходит продукция местного производителя, согласного на сотрудничество с властью.

Особого внимания заслуживает положение ст. 75 Закона, согласно которому «Государственный совет, Министерство общественной безопасности и соответствующие министерства» вправе вводить санкции, «замораживать имущество» находящихся за пределами Китая органов, организаций и частных лиц, наносящих ущерб государственной информационной инфраструктуре КНР.

По сути, репрессивное китайское законодательство в интернет-сфере, кроме очевидного для западной общности нарушения прав и свобод, все же самым серьезным образом способствует «фильтрации» попадающего в китайский сегмент противоправного контента. Защищая государственность и своих граждан от терроризма, экстремизма, сект, порнографии, насилия, подрывной деятельности иностранных разведок, китайское правительство вынуждено прибегать к таким непопулярным в западном обществе мерам. «Закручивание гаек» в китайском Интернете — лишь часть общей системы обеспечения национальной безопасности, необходимого звена в проводимой Си Цзиньпипом политике укрепления мощи и стабильности государства. Нарушения неприкосновенности частной жизни, посягательство на интеллектуальную собственность мировых производителей — все эти обвинения уже не в первый раз звучат в адрес китайских властей, которые, несмотря ни на что,

⁴ Дремлюга Р. И., Коробеев А. И., Федоров А. В. Кибертерроризм в Китае: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 609.

продолжают двигаться к намеченной ими цели максимального искоренения преступности.

В контексте вышесказанного также отметим принятые Государственной канцелярией по интернет-информации 2 мая 2017 г. Правила управления обслуживания информационных новостей сети «Интернет» (互联网新闻信息服务管理规定), которыми под контроль государства поставлены новостные потоки, попадающие во Всемирную паутину. Власти обязывают организации (прошедшие утверждение со стороны государственных органов), размещающие в сети новости, следить за их содержанием, которое не только должно соответствовать законодательству, но и отвечать интересам государства и общества (ст. 3). В Правилах также указывается, что при ходатайстве о получении права на размещение новостей в Интернете соответствующая организация не только должна быть зарегистрированным по китайским законам юридическим лицом, но и ее «основные ответственные лица, главные редакторы» должны быть гражданами Китая (п. 1, 2 ст. 6). Частью 1 ст. 7 вообще запрещается создание новостных компаний с участием иностранного капитала. А при сотрудничестве с ними необходимо проходить процедуру оценки на предмет обеспечения информационной безопасности в Государственной канцелярии по интернет-информации.

В ходе обеспечения национальной безопасности особое внимание китайские власти также уделяют религиозной сфере. Формально-юридически в ней присутствует свобода вероисповедания, однако фактически действует целая система запретов и контроля над религией. Ужесточение политики в религиозной сфере в годы правления Си Цзиньпина не в последнюю очередь связано с усилением антиправительственной пропаганды во многих существующих в Китае подпольно религиозно-сектантских группах. Некоторые из них «...противостоят системе организации религиозной жизни в стране, но не выступают против власти», другие же, напротив, «...противостоят системе власти в целом, открыто выступают против нее и настраивают своих последователей бороться против власти»⁵. Именно по причине того, что финансируемые из-за рубежа неофициальные религиозные организации нередко превращаются в орудие борьбы с китайской властью, их деятельность в КНР остается под строжайшим запретом, а адепты подвергаются преследованиям.

Согласно ч. 1 ст. 36 Конституции КНР «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания». «Никакие государственные органы,

общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедование или неисповедование религии» (ч. 2). Указанной конституционной норме вторят и положения основного в религиозной сфере нормативного правового документа — принятых Государственным советом 30 ноября 2004 г. Правил регулирования религиозной деятельности (宗教事务条例)⁶ (ст. 2).

На практике же дело обстоит совершенно иначе. В заявлениях высшего партийного руководства категорически указывается на невозможность исповедания религии членами КПК, число которых уже достигло 90 млн человек. Так, бывший Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявлял: «...религиозное и марксистское мировоззрение в корне противоположно. Коммунисты являются атеистами, и их мировоззрение должно быть марксистским. Они не только не могут исповедовать ту или иную религию, но и обязаны пропагандировать среди народа атеизм, распространять научное мировоззрение. ...Не помешает заметить: то, что коммунисты обязательно должны быть атеистами, совсем не противоречит политике свободы вероисповедания. Нельзя из-за свободы вероисповедания проявлять нерешительность в вопросе о верующих коммунистах и бояться вести воспитательную работу»⁷.

Ограничение свободы вероисповедания затрагивает не только членов правящей партии, но и простых граждан. Так, Постоянным комитетом Собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района 29 марта 2017 г. были приняты Правила искоренения экстремизма (新疆维吾尔自治区去极端化条例), в которых (во исполнение Закона КНР о борьбе с терроризмом и Правил регулирования религиозной деятельности) указывается на необходимость придерживаться «китаизации религии», активизации процесса взаимного соответствия «религии и социалистического общества» (ст. 4). Повсеместная политика «китаизации религии» (宗教中国化) есть не что иное, как ее «перереформатирование» под нужды социалистической идеологии с китайской спецификой, устранение в ней тех догм и постулатов, которые противоречат интересам власти. Си Цзиньпин подчеркивает «актуальность задачи приведения религий к взаимному соответствию с социалистическим обществом, в связи с чем от религиозных организаций требуется китаизация исповедуемых вероучений.

⁶ Дословно: Правила религиозных дел. Опубликовано: Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета). 2017. 19 окт. (на кит. яз.). С. 17.

⁷ Цзян Цзэминь. Надлежало вести религиозную работу. Выступление во время беседы с группой представителей Всекитайского собрания народных представителей по вопросам религиозной работы // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М., 1996. С. 84.

⁵ Афонина Л. А. Источники политико-религиозных проблем современного Китая // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: Новое руководство и стратегия реформ. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. М., 2014. С. 160.

Правительство неизменно поощряет выявление и акцентирование религиозных догм, способствующих достижению государственных и общественных целей и задач, а также адаптацию не соответствующих им правил веры в угоду политическим реалиям»⁸.

Правила содержат перечень «важных проявлений экстремизма», к которым ст. 9, в том числе, относит: принуждение к участию других людей в религиозной деятельности;

самостоятельное ношение либо принуждение к ношению одежды по типу хиджаба, экстремистских логотипов;

заключение брака либо развод не в соответствии с законодательством, а руководствуясь религиозными нормами;

запрещение детям получать светское образование, препятствование проведению в жизнь системы государственного образования;

обдуманное вмешательство либо подрыв политики контроля над деторождением.

Подчеркнем, что данный документ принят и действует в автономном районе с преимущественно уйгурским населением, исповедующим ислам. Некоторые запреты, установленные в документе, крайне болезненно воспринимаются местным населением. Так, под «принуждением к участию других людей в религиозной деятельности» может пониматься и банальное хождение в мечеть всех членов семьи под руководством старшего из них.

Китайские власти проводят программу обучения уйгурских детей в отрыве от региона, предоставляя им возможность получать образование целыми классами в таких мегаполисах, как Пекин, Шанхай или Чунцин. Однако нередко родители-уйгуры отказываются отпускать своих детей из-за опасения получения ими антирелигиозного образования. Такие действия также признаются властями проявлением экстремизма. Да и с именами для мусульман-уйгуров тоже возникают проблемы: Ислам, Коран, Мекка, Джихад, Садам и т. п. формально, согласно Правилам, находятся под запретом.

В конце января 2017 г. Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой было обнародовано совместно принятое Разъяснение некоторых вопросов о применении законодательства при рассмотрении уголовных дел об организации и использовании сектантских групп для препятствования исполнению закона (关于办理组织、利用邪教组织破坏法律实施等刑事案件适用法律若干问题的解释). В документе приводится широкий неограниченный перечень видов деятельности, которая квалифицируется по ст. 300 УК КНР: «формирование и использование

религиозно-сектантских организаций или использование суеверий для нарушения государственных законов, административного законодательства», предусматривающей наказание в виде лишения свободы от трех до семи лет. Так, к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 300 УК КНР лицо приговаривается в случае «изготовления, распространения сектантской пропагандистской продукции, если ее количество достигает», например, для газет — свыше 1000 экз., аудио- и видеопленки — свыше 250 шт., карт памяти, дисков и других мобильных носителей — свыше 100 шт. (п. 11 ст. 2). Уголовному наказанию за пропаганду сектантства через средства связи лицо подлежит, если в этих целях сделаны телефонные звонки, отправлены сообщения в количестве свыше 1000 шт. (п. 12 ст. 2).

Если же в результате сектантской деятельности, распространения слухов погубило три и более лиц, девяти и более лицам был нанесен тяжкий вред здоровью и «при наличии иных особо отягчающих обстоятельств», виновный подлежит уголовной ответственности вплоть до пожизненного лишения свободы (ч. 3 ст. 7). Отягчающими обстоятельствами правоохранителем признается сговор с иностранными организациями или лицами при осуществлении сектантской деятельности, ее осуществление работниками государственных органов, проповедь несовершеннолетним и др. (ст. 8).

Вышесказанное свидетельствует о серьезных проблемах, существующих в Китае в религиозной сфере. Религия рассматривается руководством партии как угроза стабильности существующей в обществе социалистической идеологии с китайской спецификой. Неслучайно действующее законодательство запрещает регистрацию религиозных организаций, управление которыми осуществляется из-за рубежа. Часть 1 ст. 5 Положения об управлении религиозной деятельностью гласит: «Все религии твердо придерживаются принципа независимости, самостоятельности и собственной деятельности, религиозные коллективы, религиозные институты и школы, места осуществления религиозной деятельностью и религиозные дела не управляются силами из-за рубежа».

20 января 2017 г. Собранием народных представителей г. Пекина были приняты Правила укрепления здоровья граждан (北京市全民健身条例), которыми, помимо положений, связанных с организацией оздоровительного досуга жителей столицы, как бы «между делом» устанавливается ответственность за «использование деятельности по укреплению здоровья граждан для нарушения общественного порядка, распространения суеверий, оказания влияния на нормальную работу лиц, их учебу и жизнь» (ст. 42). Для стороннего наблюдателя данная норма не имеет какого-либо подтекста. Однако она является еще одним элементом в системе обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму, экстремиз-

⁸ Цит. по: *Афонина Л. А.* Си Цзиньпин и религия — новые векторы // Китай, Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXI Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 99.

му, незаконной религиозной деятельности. В Китае имеют место явления, когда под видом «утренних зарядок» групп населения проводятся собрания верующих запрещенных религиозных групп. Кроме того, центральные власти, видимо, серьезно обеспокоены возможностью использования скопления людей для проведения стихийных антиправительственных выступлений либо совершения террористических актов.

Представляется, что запущенный при Си Цзиньпине процесс «закручивания гаек» в религиозной сфере инициирован преимущественно по причине использования религии зарубежными силами для подрыва установленного в КНР государственного строя. И реакция властей на такого рода угрозу китайской государственности объяснима. Вместе с этим, как справедливо отмечают российские исследователи, «...при усилении государственного давления главное, чтобы оно не становилось чрезмерным. В противном случае можно прогнозировать рост официально незарегистрированной “серой” сферы религиозных последователей, явления, присущего истории Китая независимо от действующих политических режимов»⁹.

Репрессивная политика в области законодательства ужесточается и в других сферах. В контексте сказанного отметим принятый 1 сентября 2017 г. Закон КНР о государственном гимне (中华人民共和国国歌法), которым установлена административная ответственность в виде предупреждения либо ареста до 15 суток за «умышленное в общественных местах искажение слов гимна, нот, исполнение гимна извращенным, унижительным способом или надругательство над гимном иным способом» (ст. 15). Гимн не может теперь быть использован в рекламных целях, на частных похоронах, в качестве звукового фона в общественных местах и «в других неподходящих местах» (ст. 8).

4 ноября 2017 г. ПК ВСНП принимает 10-е поправки к действующему Уголовному кодексу, которые дополняют ст. 299 (умышленное надругательство над Государственным флагом и Государственным гербом КНР в общественном месте) частью 2, гласящей: «Умышленное в общественном месте искажение слов гимна, нот, исполнение гимна извращенным, унижительным способом или надругательство над гимном иным способом, при отягчающих обстоятельствах наказывается в соответствии с предыдущим положением» (лишение свободы до трех лет, арест, надзор либо лишение политических прав — ч. 1 ст. 299).

⁹ Горбунова С. А. Совершенствование или ужесточение? Си Цзиньпин об управлении религиями // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: матер. ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.). Информационные материалы. Серия В: «Общество и государство в Китае в период реформ». М., 2017. С. 154.

Одной из серьезных угроз китайской государственности выступает коррупция. Именно Си Цзиньпин более чем кто-либо из предыдущих руководителей КНР ведет борьбу с ней. Отечественными учеными отмечается, что «для Си Цзиньпина борьба с коррупцией с самого начала имела большее значение — в условиях снижения темпов экономического роста и, как следствие, сокращения сфер, где власть могла демонстрировать свою эффективность, она становилась важнейшим инструментом утверждения власти, а затем и основной сферой приложения ее усилий»¹⁰.

Вопросы борьбы с коррупцией в Китае авторы настоящей статьи рассматривали ранее¹¹, особенности законодательного регулирования антикоррупционной кампании, которое достаточно прогрессивно и развито по сравнению с Россией, подробно анализируются в российской научной литературе¹². Здесь же подчеркнем, что ожидаемый Закон КНР о противодействии коррупции и взяточничеству (中华人民共和国反贪污贿赂法) так, к сожалению, до настоящего времени и не принят.

Отметим обнародованные Канцелярией КПК и Канцелярией Государственного совета 19 апреля 2017 г. Положение о соответствующих пунктах личного доклада руководящего кадра (领导干部报告个人有关事项规定) и Правила проверки результатов личного доклада руководящего кадра по соответствующим пунктам (领导干部个人有关事项报告查核结果处理办法), которыми более четко прописывается обязанность китайского чиновника предоставлять достоверную и полную информацию о своей личности и членах своей семьи в партийные органы (российский аналог декларирования имущества). Так, «руководящий кадр» регулярно должен отчитываться о своем семейном положении (включая отчеты о вступлении своих детей в брак с иностранцами, переезде членов семьи на жительство за границу, местах их работы

¹⁰ Виноградов А. В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: матер. ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.). Информационные материалы. Серия В: «Общество и государство в Китае в период реформ». М., 2017. С. 73.

¹¹ См.: Лузянин С. Г., Троцкий П. В., Судохолов Я. А. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 816—818.

¹² См.: Севальнев В. В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 95—100; Маркелова Ю. В. Законодательные акты по борьбе с коррупцией в Китае // Science Time. 2017. № 1. С. 265—270; Троцкий П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного Китайского государства с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 169—177.

и др.); частных поездках за границу, а также в Гонконг, Макао и Тайвань; привлечении к юридической ответственности себя либо членов своей семьи; зарплате и иных доходах; личном имуществе и имуществе близких родственников; наличии ценных бумаг у себя либо у близких родственников, счетов за границей; инвестиционной деятельности; участии близких родственников в различных коммерческих структурах и др. Полная прозрачность личной, общественной и государственной жизни чиновника (членов семьи) для власти рассматривается как залог успешной борьбы с коррупцией.

Согласно принятому в апреле 2016 г. Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой совместного Разъяснения по некоторым вопросам применения закона при производстве по уголовным делам о коррупции и взяточничестве (关于办理贪污贿赂刑事案件适用法律若干问题的解释) к высшей мере наказания может быть приговорено лицо, виновное в получении взятки или в коррупции на сумму от 3 млн юаней (ч. 1 ст. 3). Впрочем, при определенных обстоятельствах смертная казнь может грозить лицу и при «коррупции в размере от 1,5 млн до 3 млн юаней» (ч. 2 ст. 3). Особо оговаривается, что «при особо крупном масштабе коррупции, размере взятки и особо отягчающих обстоятельствах совершения преступления, особо негативном общественном резонансе, нанесении особо значительного ущерба интересам государства и народа виновный может приговариваться к смертной казни» (ч. 1 ст. 4).

Для чиновников, которые покинули государственную службу, действуют ограничения на устройство в коммерческие предприятия, посреднические фирмы, если таковые имеют какое-либо отношение к исполняемым ранее должностным лицом обязанностям. Власти также запретили судьям Верховного народного суда работать в юридических компаниях в течение трех лет после увольнения из судебной системы. Статус занятости уволенных судей должен проверяться не менее одного раза в год.

В основе проводимой в настоящее время антикоррупционной борьбы лежит политика «трех не»:

«не сметь брать взятку» (不敢贪) (усиление наказания);

«не мочь брать взятку» (不能贪) (контроль за доходами и расходами);

«не хотеть брать взятку» (不想贪) (повышение сознательности).

Касательно вопроса «усиления наказания» отметим, что действующий УК КНР предусматривает высшую меру наказания за особо крупные коррупционные преступления (п. 3 ст. 383). В вопросе «не сметь брать взятку» власти установили максимально возможное уголовное наказание. Китайский исследователь Лю Хунянь констатирует: «В настоящее время в сфере антикоррупционной борьбы в Китае возникла проблема “бутылочного горлышка”, при которой

законодательные возможности по борьбе с коррупцией практически исчерпаны. С одной стороны, под воздействием жесткой государственной антикоррупционной политики число антикоррупционных нормативных актов внутри партии и за ее пределами постоянно растет, налицо эффект критической массы. С другой стороны, количество коррупционных преступлений не только не снижается, но, наоборот, растет, а объем невыявленной (латентной) коррупции, возможно, еще выше. Фундаментальная причина состоит в том, что концепция “прямого противодействия” делает акцент на устрашающем эффекте уголовного наказания, однако игнорирует институциональные причины формирования коррупционной преступности»¹³.

В настоящее время руководство страны активно совершенствует систему контроля над доходами и расходами чиновника, стараясь достичь максимальной прозрачности личной жизни государственного служащего и членов его семьи. Однако в деле повышения сознательности, нравственных мотивов добровольного отказа лица от взятки (в любой материальной/нематериальной форме) — задача самая сложная и практически невыполнимая.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что коррупция была чрезвычайно свойственна китайской государственности на всем протяжении ее существования. Более того, в начальный период проведения реформ и открытости коррупция как бы «замещала» собой отсутствие правовых норм, регламентирующих ведение хозяйственной деятельности ее субъектами в стремительно развивающемся Китае. Так, местный коррупционно-заинтересованный чиновник своим решением при отсутствии необходимого законодательства предоставлял целый пакет налоговых и иных льгот поощряющему его бизнесу. Это, в свою очередь, не только способствовало росту коррупции, но и стимулировало приток инвестиций в экономику китайских регионов. Инвестору не нужно было ждать появления необходимого для ведения бизнеса закона или подзаконного акта, а лишь заинтересовать правомочного принимать решения в пользу бизнеса чиновника. Российские ученые констатируют: «Существует и иной научный взгляд, рассматривающий коррупцию как полезную замену верховенства закона, особенно там, где оно слабо развито. Иными словами, коррупция создает климат, благоприятный для расширения экономических возможностей, реализации стремления к получению прибыли»¹⁴.

¹³ Лю Хунянь. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 117.

¹⁴ Спектор Е. И., Севальнев В. В. Вопросы правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции // Журнал зару-

Однако по мере государственного развития коррупция из фактора, стимулирующего экономический рост, превратилась в серьезную угрозу для национальной безопасности Китая. А. В. Виноградов пишет: «До тех пор, пока коррупция реализовывала свою созидательную функцию, общество воспринимало ее как неизбежное зло и мирилось. Но как только темпы роста снизились, в обществе усилилось ощущение социальной несправедливости. На этапе становления рыночной экономики протест вызывали предприниматели, первыми начавшие повышать свой жизненный уровень и нарушившие, таким образом, социальное равенство, и чиновники, которые им в этом помогали. Теперь протест вызывают, прежде всего, государственные чиновники, которые нарушают принципы социальной справедливости, декларированные государством. На начальном этапе государство с помощью чиновников создавало рыночную систему, теперь чиновники хотят ее эксплуатировать уже без государства. Этого же хочет бизнес. Таким образом, из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, коррупция превратилась в фактор, дестабилизирующий отношения власти и общества»¹⁵.

Несмотря на известные трудности в сфере противодействия коррупции, китайская власть достигает

бежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4. С. 677.

¹⁵ Виноградов А. В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 89—96.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афони́на Л. А. Источники политико-религиозных проблем современного Китая // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: Новое руководство и стратегия реформ. Матер. ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. М., 2014.

Афони́на Л. А. Си Цзиньпин и религия — новые векторы / Китай, Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXI Междунар. науч. конф. М., 2016.

Бэйцзин жибао (Ежедневная газета «Пекин»). 2017. 10 апр. (на кит. яз.).

Виноградов А. В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1.

Виноградов А. В. Новый авторитаризм в Китае // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: матер. ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.). Информационные материалы. Серия В: «Общество и государство в Китае в период реформ». М., 2017.

Горбунова С. А. Совершенствование или ужесточение? Си Цзиньпин об управлении религиями // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: матер. ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.). Информационные материалы. Серия В: «Общество и государство в Китае в период реформ». М., 2017.

Дремлюга Р. И., Коробеев А. И., Федоров А. В. Кибертерроризм в Китае: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3.

Жэньминь жибао (Ежедневная народная газета). 2017. 19 окт. (на кит. яз.).

Лузянин С. Г., Трошинский П. В., Судохолов Я. А. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4.

Лю Хунянь. Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5.

Маркелова Ю. В. Законодательные акты по борьбе с коррупцией в Китае // Science Time. 2017. № 1.

Севальнев В. В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3.

здесь определенных значимых результатов. Об этом свидетельствует периодически обнаруживаемая официальная статистика¹⁶.

В рамках представленной статьи нет возможности подвергнуть даже поверхностному анализу все аспекты нормативно-правового регулирования, касающиеся вопросов ядерной безопасности страны, ее безопасности в пищевой и лекарственных сферах, в сфере демографии, противодействия Китайского государства терроризму и экстремизму и т. п. Все эти вопросы чрезвычайно актуальны и требуют отдельного изучения. Несомненно одно: перед лицом огромного массива вызовов и угроз китайской государственности стоящий во главе правящей партии Си Цзиньпин вынужденно усиливает регулирование всех сфер общественной жизни в направлении ограничения личных прав и свобод, ужесточения юридической ответственности, укрепления своих властных полномочий. Лишь время способно дать оценку правильности избранного им пути. Российским исследователям необходимо следить за развитием китайского законодательства для возможного рассудительного (взвешенного) использования его прогрессивных положений в отечественной правотворческой деятельности.

¹⁶ См., например: Доклад ведущего органа по борьбе с коррупцией в КНР Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК, сделанного 24 октября 2017 г. перед XIX съездом КПК. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-10/29/content_5235228.htm (на кит. яз.).

Спектор Е. И., Севальнев В. В. Вопросы правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 4.

Трошинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного китайского государства с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2.

Цзян Цзэминь. Надлежаще вести религиозную работу. Выступление во время беседы с группой представителей Всекитайского собрания народных представителей по вопросам религиозной работы // Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М., 1996.

